

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

БОЛЬШАЯ жизнь в искусстве выдающегося мастера казахского театра — народного артиста СССР Калибека Куанышбаева начиналась в спектакле «Енлик-Кебек», которым 13 января 1926 года открылся Казахский театр драмы. Пьеса Мухтара Ауэзова, написанная с учетом развития и обогащения традиций народного творчества, стала прекрасной школой профессионального мастерства для молодого коллектива.

Эта первая встреча Калибека Куанышбаева с драматургией Мухтара Ауэзова многое определила в творческой судьбе двух выдающихся художников современности. Их постоянная творческая связь обогатила казахский театр неповторимыми сценическими образами, среди которых Танеке в «Ночных раскатах» и Абай, генерал Панфилов в «Гвардии чести» и Куанбай в инсценировке прославленной эпопеи.

Великого казахского поэта Абая в спектакле 1940 года Калибек Куанышбаев сыграл так, словно именно эта роль была самым главным делом его жизни.

Как истинный актер «школы переживания» Калибек Куанышбаев во всех сценических созданиях оставлял частицу своей души и сердца, сокровенную неповторимость своей человеческой индивидуальности.

В трагедии М. Ауэзова возникает и развивается тема Моцарта и Сальери. Ее поверхностный поворот лежит в судьбах Айдыра и Керима, которые повторяют во многом сюжетную коллизию

пушкинских героев. Но Калибек Куанышбаев с великолепной прозорливостью расширил и углубил развитие этой темы в спектакле, наделив своего Абая модартовским восприятием жизни. Мощный интеллект великого поэта, его пронзительный дар предвидения общественных потрясений, его непримиримый пафос неприятия существующих порядков и целеустремленность социального протеста уживалась в нем с чистотой и доверчивой открытостью в отношениях к людям.

Кого бы ни играл замечательный казахский актер, его герой был неповторимой и самобытной человеческой личностью. Эта особенность таланта Куанышбаева придавала нередко неожиданную окраску его ролям. Так, крупнейшей победой Куанышбаева стал его Городничий, постижение характера которого проходило не через умозрительное изучение гоголевской эпохи, а через глубинное проникновение в психологию эксплуататоров и самодуров, наделенных неограниченной властью.

Большой актерской удачей стал также образ генерала Панфилова в спектакле «Гвардия чести». Тема защиты нашего Отечества от фашистской чумы сливалась в этой работе театра с мыслью об интернациональной дружбе советских людей. Об игре К. Куанышбаева в этой роли интересно писал известный ленинградский литературовед и театровед Н. Берковский: «Ему удалось национальный облик русского генерала, он победил сво-

ей игрой — самые трудные театральные условности...»

Сегодняшний молодой зритель, не видевший Калибека Куанышбаева на сцене, не может даже приблизительно представить силу его огромного сценического обаяния. Встреча с его искусством буквально потрясала. Я помню свое самое первое посещение Казахского академического театра драмы. Идет спектакль «Больные зубы». Средняя пьеса, поверхностное решение, стандартные образы. Сегодня уже невозможно вспомнить, кто кого играл. И вдруг на сцену выходит большой, красивый человек в светлом костюме — директор школы — что-то говорит. Мне не понятен смысл незнакомых слов, но я не могу оторваться от красоты и неповторимой музыки его речи. Все на сцене оживает, становится значительным и важным. Открываю программу, ищу фамилию исполнителя и читаю — К. Куанышбаев.

Чем дальше идут годы, тем яснее понимаешь, как много дал казахскому искусству замечательный мастер сцены. Современный театр возвращается к его открытиям и заветам в решении самых насущных и острых вопросов театральной практики, будь то проблема сценического общения, или постижения авторской стилистики, или перевоплощения.

«Наш Щепкин» — так называлась статья о Калибеке Куанышбаеве Шагена Айманова, самого талантливого и верного его ученика, преданно влюбленного в неисчерпаемость творческой фантазии великого артиста, в прекрасную мудрость его сценических созданий.

Искусство Калибека Куанышбаева продолжает жить в памяти народной.

Л. БОГАТЕНКОВА,
кандидат искусствоведения.

Хадиша БУКЕЕВА,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной
премии СССР

Мне вспоминается 1949 год. МХАТу 50 лет, и в юбилейных торжествах участвуют все театры страны. От Казахстана в Москву приехали трое: Калибек Куанышбаев, Шаген Айманов и я. Играли сцену из «Укрощения строптивой». Когда дали занавес и все участники праздничного вечера вышли на сцену, мы оказались рядом с Борисом Николаевичем Ливановым. «Какие вы прекрасные актеры», — сказал он, обращаясь к моим товарищам.

Куанышбаев играл Баптиста, отца моей Катарини. Веселый, простодушный старик. После целого каскада разных наивных хитростей он наконец-то сбыв строптивую дочь Петруччио. Как он радуется — открыто, по-детски, бесхитростно — приплясывает, хихикает, мурлычет какую-то песенку... А потом, прощаясь, вдруг видит новую Катарину — покорную, нежную. Какие неуловимые перемены в нем происходят: и изумление (как же раньше-то не угадал, не понял!), и боль, и вина (каково же ей было?), и безнадежность (снова лишился дочери), и радость (ей хорошо будет с мужем). И при этом — ни одного лишнего жеста и движения. Одним талантом, без сердца, так не сыграешь.

А его Балуан, немой в спектакле «Ахан-сере Актоткы»? Неуклюжий, одинокий, со смехом, похожим на рыдание. Человек живет как бы на ощупь, отгороженный от всего мира. И — пробуждение его души... Роль без единого слова. Когда смотришь это — комок у горла.

В спектакле «Алдар Косе» Калекке играл визиря Шораяка. Казалось, что не драматург написал эти реплики, не режиссер думал над мизансценами, а он, актер, оказался внезапно в такой ситуации — и зажил в ней свободно, органично, естественно. И слова

и вправду оказываются ненужными...

Комедия, трагедия, буффонада — он везде был мастером. Нельзя было сказать: это не его дело. Театр — вся его жизнь. Другой жизни у него не было. Он был рожден для сцены, без нее не мог — и сколько сумел сделать!

Знать и уметь — разные ве-

селом разговоре. А ты потом вспоминаешь шутки и остроты и становится ясно: вот для чего он это сказал...

И репетиции с ним — они и сегодня в памяти. В такие моменты никого не надо было искать: даже те, кто не занят был в спектакле, собирались за кулисами. Старались запомнить и подглядеть все, что он

вся страна. Он играл роли на своем родном языке, но тем, кто видел его на сцене, переводчик не требовался.

В его послужном списке — около ста пятидесяти спектаклей. Говорить о его творческой судьбе — значит, говорить о судьбе нашего театра. Потому что Куанышбаев — один из тех, кто стоял у исто-

свою первую роль — бия Караманды. Потом он переиграл почти все роли в этом спектакле.

Большим экзаменом для нас была классика. В 1927 году поставили гоголевскую «Женитьбу». Роль Жевакина все называли удачей Калибека. С тех пор Гоголь стал ему близок. Году в 1936-м в театре ставили «Ревизора». Куанышбаеву была отдана роль Городничего. Что понимал актер в нравах уездных российских городов? Откуда ему было знать манеры, привычки, обычаи чиновничьей верхушки? Калибек доверился своей памяти: ему приходилось видеть царских управителей — жестоких, коварных, лицемерных... Очень пригодились тут народные предания, легенды, которых он знал превеликое множество. Реальность мешалась с вымыслом — и возникал образ жестокого и ловкого негодяя. «Узнай хорошо десять человек — и сыграй на сцене одного», — повторял Куанышбаев. Каждого своего героя он знал досконально, должно быть, поэтому в самых разных районах люди угадывали в них знакомых.

Калекке играл в пьесах Шекспира, Островского, казахскую классику и современные произведения. Он актер универсальный и всегда умел разглядеть сходство персонажа с реальными людьми. «Я же знаю это», — говорил он, — и в очередной раз выводел на сцену живого достоверного героя. Это были не фотографии, внешнего сходства почти не было. Были глубина мысли, искренность и естественность переживания.

Калибек Куанышбаев вырос, играя казахскую и русскую драматургию. Он, как губка впитал в себя богатейшие национальные традиции двух народов. Прекрасной школой актерского мастерства стал для него МХАТ. Все это возматало его самобытный талант, которым мы сегодня по праву гордимся.

ТЕАТР— ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ

щи. Мы часто подменяем эти понятия: кое-что знаем — надемся, что уже и сумеем, получимся. Калекке думал иначе. Он очень много знал — традиций народных, обычаев, сказаний, песен, пословиц (мог два-три дня, не прерываясь, без сна, рассказывать). И в людях предпочтению отдавал знающим. Его большим другом был Мухтар Омарханович Ауэзов, они были необходимы друг другу, питали друг друга — знаниями старины и европейской культуры. Когда я думаю, что же такое современный актер — я думаю о Калекке.

Удивительный это был праздник — его присутствие на сцене! Казалось, он очень легко работал — все, что ни делал, было просто, естественно, достоверно. Он умел исправить, подсказать незаметно, в каком-нибудь непринужденном и

делал. И сегодня вспоминаешь, как он сказал эту фразу, как поднял руку, взглянул...

Это была прекрасная школа — и длилась она непрерывно. В театре, по дороге домой (старались шагать помедленней), на гастролях (как его ждали всегда, люди издали приезжали целыми семьями — поглядеть, послушать). Наверное, это главное в нем — талант и человечность. Удивительная искренность и органичность его жизни на сцене — от большого сердца Калекке. Поэтому с ним рядом всегда было просто и легко. И всегда создавалась удивительная атмосфера жизнерадостности и вдохновения.

Серке КОЖАМКУЛОВ,
народный артист Казахской
ССР, лауреат Государственных
премий СССР и Казахской ССР
Калибек Куанышбаев — казахский актер, но его знала

ков национального театрального искусства, кто проделал с ним первые, самые трудные шаги.

У нас не было опыта, недостатка знаний. А задача была ответственная — создать в республике профессиональный театр. Надо было поверить в свои силы. В труппе — актеры, импровизаторы, танцоры, рассказчики. Имена их, первых, сегодня знают все — Иса Байзақов, Амре Кашаубаев, Елюбай Умурзаков... За спиной у каждого — немалый опыт выступлений в любительских концертах. Но — спектакль? Выбор репертуара, работа над образом, декорации... Актеры были и рабочими сцены, сами до начала спектакля ставили декорации, «колдовали» над реквизитом.

Первой постановкой стала пьеса М. Ауэзова «Енлик-Кебек». Калекке получил в ней